

Режиссер-«деревенщик» бежит из Страны Оз

КоммерсантЪ - daily. - 1997. - 22 нояб. - с. 9

В Центральном Доме кинематографистов состоялась премьера фильма «В той стране» Лидии Бобровой, снятого по рассказам Бориса Екимова (производство киностудии «Ленфильм»). Представляя картину, режиссер попросила публику не аплодировать, когда пойдут финальные титры.

Сколь не заманчиво обвинить Боброву в самоуверенности, посмотрев «В той стране», приходится признать, что руководил ею перфекционизм художника. Видимо, она не могла допустить, чтобы заключительный аккорд «В той стране» не расслышали: титры идут под женское пение без слов, с безысходной интонацией, что выражает настроение фильма в целом.

Боброва работает на ниве «деревенского кино». «В той стране» — вторая ее картина (и о русской деревне, и вообще). Первая, «Ой вы, гуси...», успешно проществовала по кинофестивалям и открыла оригинальный режиссерский почерк Бобровой.

Она снимала стихийную русскую жизнь, по преимуществу с непрофессиональными актерами — носителями этой стихийности, типами, знакомыми до боли. И Бобровой — в особенности: в главных ролях и в «Ой вы, гуси...», и в «В той стране» — ее деревенские братья, девчери и золовки...

Хотя словосочетание «в главных ролях» применительно к фильмам Бобровой — некорректно. Любой ее герой — фрагмент героя коллективного, с которым Боброва как режиссер и предпочитает иметь дело. Ее главный герой — вот этот народ, и живет он вот в этом месте. «Другого народа» у нее для нас нет. А место всегда конкретно. В фильме «В той стране» — это деревня Веркола под Архангельском, родина Федора Абрамова.

Несмотря на видимое совпадение героев и среды, «деревенское кино» Бобровой «деревенской прозе» противоречит установочно. Мир абрамовских «братьев и сестер», распу-

тается умом понять Россию

тинских стариков и старух был Страной Оз вымечтанной нравственности, уходящей под пятой городской цивилизации в глубь прошлого и почвы. А незамысловатые истории персонажей Бобровой — о доставшейся скотнику Скуридину путевке на курорт, о женихе-зэке, которого мать доярки Раи выписала для дочери из тюрьмы (выписала буквально, письмами), о возвышенной любви совхозного управляющего к секретарше Кате, о пьяной смерти шофера Зайчика, использовавшего природный артистизм, чтобы тырить у тещи сало, — все эти истории не инструмент для создания мифа о русской крестьянской жизни. Это истории из жизни. Они значат не больше, чем значат.

Но и не меньше. «Ой вы, гуси...» портретировали стихийность, непреднамеренность крестьянского существования. Во второй своей картине Боброва принесла стихийность в жертву идеологичности и даже дидактичности. Здесь явлена та самая «не-

которая особенность», которая и сводит на нет «национальную охоту» к чему-либо — восторг от собственной алогичности, выдаваемый за одухотворенность. Здесь управляющий вывешивает плакат собственного изготовления — список пьяниц, стоящих в «очереди на тот свет», и говорит толпе недовольных односельчан, чтобы плакат этот снимать не смели — он, управляющий, «здесь хозяин». Дескать, вот кто хозяин новых времен — разумная номенклатура...

«Деревенская проза», «почвенное» отечественное кино во главе с «Асей Клячиной...» и Шукшиным сакрализовали «крестьянскую Атлантиду» — в мифотворческом по сути своей намерении ни в коем случае не понимать Россию умом. Боброва же, в принципе, с гуманистическим пониманием относится к любому мифу (реверансом Шукшину выглядит в ее картине объявление о фильме «Ваш сын и брат» в деревенском клубе; и героев своих, погрузившихся в телесериалы, она любит от этого не меньше). Но

она явно утомлена мифологией «русского сокровенного» — отсюда и плакатная дидактичность «В той стране», вроде «Русские, бросьте пить!» — как попытка объяснить сакраментальное «Что с нами происходит?» деревенщиков. И это желание подойти к происходящему на земле русской логическим путем уже делает ее модернистом почвенности.

К тому же это редкий случай в нашем кино — когда пафос сглаживается гармоничностью изображения. Кадр Бобровой подчеркнута симметричен, держит равновесие. Герой всегда в центре. Оператор Сергей Астахов показал себя Суриковым экраном: архангельские снега сняты так, что забываешь о его предыдущем профессиональном достижении, нервно-криминальном «Брате», и кажется: среди создателей «Снежного чувства Смильы» (голливудски крупнобюджетного, не в пример «В той стране») именно Астахова и не хватало...

ВИКТОРИЯ БЕЛОПОЛЬСКАЯ